

Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента.

Среди казанскихъ студентовъ моего времени, а это было вторая половина шестидесятыхъ годовъ, въ большомъ ходу былъ рассказъ объ одномъ необычайно странномъ происшествіи, которому, казалось, бы, всего менѣе было мѣсто среди учащейся молодежи, но, удивительное дѣло, студенты, народъ вообще не религіозный, серьезно относились къ этому рассказу, нисколько не сомнѣваясь въ полной дѣйствительности рассказываемаго.

Когда имѣло мѣсто это происшествіе, точно опредѣлить невозможно, но въ немъ играютъ роль казеннокоштные студенты, а такъ какъ институтъ этотъ упраздненъ Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1858 г., то, очевидно, происшествіе это, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, могло быть никакъ не позже 1858 года.

Казанскій университетъ помѣщается на Воскресенской улицѣ. Это Невскій проспектъ Казани, въ двухъэтажномъ не особенно красивомъ каменномъ зданіи, съ колоннадою вдоль улицы. Въ нижнемъ этажѣ этого дома, во всю длину его, идетъ темный корридоръ, освѣщавшійся въ мое время, въ теченіе всего дня, лампами. По обѣ стороны этого корридора—расположены комнаты, выходящія окнами частью на улицу, частью во дворъ. Въ этихъ комнатахъ и помѣщались казеннокоштные студенты по два, по три на комнату, а нѣкоторые, особенно студенты старшихъ курсовъ, были размѣщены и по одному. Окнами на улицу выходили очень не многія изъ занятыхъ студентами комнатъ, и ими особенно дорожили не только живущіе въ нихъ, но и всѣ казеннокоштные, вѣроятно потому, что по правиламъ

университета, всё они должны были въ 9—10 ч. вечера быть на-лицо подъ угрозой карцера, опоздавшимъ оставалось проникать черезъ ворота, уплачивая известную мзду сторожу, но какъ казеннокоштные были сплошная бѣднота, то имъ не по силамъ былъ такой расходъ. Вотъ тутъ-то и приходили на помощь комнаты съ окнами на улицу: стоило оставить окно незапертымъ и пользоваться имъ, какъ входной дверью. Такимъ образомъ комнаты эти обслуживали не только своихъ обитателей, но и всѣхъ товарищей по интернату.

А какая бѣднота была въ Казанскомъ университетѣ, даже въ мое время—вотъ тому живые примѣры: группа студентовъ проживала тогда въ двухъ домахъ Омина и Львова, именовавшихся почему-то Оминскимъ и Львовскимъ скитами; одинъ изъ этихъ домовъ былъ опечатанъ полиціею, какъ предназначенный за ветхостью къ сломкѣ. Въ этомъ-то домѣ, съ разрѣшенія полицеймейстера, известнаго тогда всему Поволжью Х. Н. Мосолова, поселилось 5—6 студентовъ. Имъ была предоставлена даровая квартира съ правомъ употреблять на отопленіе ненужныя имъ части строеній: сарай, перегородки въ домѣ и даже, въ случаѣ особой нужды, крыльцо. У этой группы было только два полныхъ комплекта одежды, въ которыхъ можно показаться на улицѣ; въ нихъ они ходили по очереди на лекціи и отправлялись въ разнаго рода экскурсіи; чѣмъ они питались—Господь вѣдаетъ. Помню я, однажды, рассказывали они намъ съ восторгомъ, „что имѣли сегодня превосходный куриный супъ“. Оказалось, что у сосѣдки скончалась естественною смертию курица—они ее заплучили будто бы для какихъ-то опытовъ и съѣли. „И какая была жирная покойница, какой чудный супъ вышелъ“, восхищались они. Помнится другой случай; наша группа—а я жилъ съ четырьмя товарищами—по случаю полученія однимъ изъ насъ изъ дому денегъ, порѣшили устроить банкетъ. Купили бутылку водки, булокъ, колбасы, сыру, горшокъ молока и шоколадъ, рассчитывая выпить, закусить, сварить шоколадъ, чѣмъ и завершить пиршество. Въ ожиданіи этого пиршества, пошли мы прогуляться, возвращаемся, и что же? Видимъ пустую бутылку изъ-подъ водки, пустой горшокъ отъ молока, на полу обрывки бумаги отъ шоколада, а въ нашей комнатѣ благодушно улыбающихся скитчанъ. Оказалось, что случайно одинъ изъ нихъ во время нашего отсутствія зашелъ къ намъ и, увидя обиліе съѣстныхъ припасовъ, моментально далъ знать своимъ, тѣ нагрянули и все уничтожили. На наши упреки они отвѣтили

вопросомъ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на него: „Вы сегодня обѣдали? Такъ вѣдь? А мы нѣтъ“. Что же можно было сказать противъ такого довода?

А какъ находчива нужда. Одному изъ скитчанъ хозяйка нашей квартиры подарила подкладку отъ стараго пальто. Онъ ухитрился сшить изъ нея пиджакъ, да и какъ ловко устроилъ это. Собственноручно распоролъ онъ свой довольно печальнаго вида пиджакъ, по нему выкроилъ такой же изъ коленкора, а затѣмъ собственноручно же сшилъ ихъ оба. Приходя къ намъ въ этомъ своей работы пиджакѣ, онъ съ радостью говорилъ: „а вѣдь недурно сидитъ? а? право очень недурно“.

Въ числѣ этихъ скитчанъ былъ одинъ въ своемъ родѣ Ломосовъ, онъ прибылъ въ Казань изъ Сибири съ обозомъ и добродушно, со смѣхомъ рассказывалъ, какъ онъ мерзъ въ своемъ неподходящемъ къ климату костюмѣ дорогою, которую продѣлалъ частью пѣшкомъ, частью на возу, куда его сажали изъ жалости обозчики.

Если кто изъ знакомыхъ скитчанамъ студентовъ добывалъ урокъ, конечно такой, который не особенно соблазнялъ его, онъ предоставлялъ его скитчанамъ; тѣ тщательно обсуждали, который изъ нихъ былъ бы наиболѣе подходящимъ для этого дѣла, совокупно обмундировывали его наличнымъ платьемъ, а гонораръ шелъ, разумѣется, въ общую кассу.

Такъ жила эта бѣдность въ мое время; никакихъ благотворительныхъ обществъ въ Казани тогда не имѣлось, да, думается, скитчане и не взяли бы предложенныхъ имъ пособій; все, чѣмъ пользовались они отъ университета—это освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, гонорара тогда не было.

А между тѣмъ изъ этихъ скитчанъ вышли одинъ хорошій профессоръ и одинъ ведурной врачъ - практикантъ, извѣстный всему Поволжью.

Лѣтъ черезъ десять по окончаніи курса, мнѣ случилось быть въ Казани, и я встрѣтилъ на улицѣ одного изъ скитчанъ, нѣкоего Г., бывшаго тогда уже профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ модномъ пальто, въ цилиндрѣ, ярко красныхъ, какъ носили тогда, перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ шелъ онъ по Воскресенской; мы разговорились. „А помнишь ты куринный супъ и коленкорový пиджакъ?“ спросилъ я. „Ну какъ же не помнить. Какое, другъ мой, чудное время было! Его уже не вернешь“, съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ.

Казеннокоштные, въ громадномъ большинствѣ, такіе же круглые бѣдняки, находились конечно въ лучшемъ положеніи:

они были болѣе или менѣе сыты, одѣты и имѣли приличное помѣщеніе.

Возвращаюсь къ разсказу.

Однажды въ квартирѣ одного изъ сравнительно-зажиточныхъ студентовъ на Старо-Горшечной улицѣ, собралось нѣсколько товарищей; толковали о прочитанномъ, о лекціяхъ, объ экзаменахъ и профессорахъ, а затѣмъ перешли къ разнаго рода анекдотамъ и разсказамъ изъ дѣйствительной жизни; появились импровизаторы, тутъ же сочинявшіе разнаго рода повѣствованія; бесѣда особенно оживилась, когда коснулись нравовъ и образа жизни духовенства и, мало-по-малу, разсказы стали принимать явно кощунственный характеръ.

Было уже около 11 ч. вечера; въ числѣ собесѣдниковъ находился казеннокоштный студентъ, и не думавшій собираться домой, такъ какъ жилъ въ комнатѣ, выходящей окномъ на улицу, и помѣщался въ ней одинъ, а стало быть несвоевременнымъ возвращеніемъ не могъ никого обезпокоить. Это былъ добрый товарищъ, обыкновенно веселый и жизнерадостный и къ религіознымъ вопросамъ относившійся такъ же легко, какъ и большинство студентовъ. Онъ до сихъ поръ мало принималъ участія въ разговорѣ, но вдругъ вспомнилъ, а можетъ быть и придумалъ особенно пикантный разсказъ изъ области религіи; воспользовавшись минутною паузою, онъ сказалъ: „А хотите, братцы, я вамъ разскажу исторію преинтересную. Послушайте-ка“. Всѣ насторожились, такъ неожиданно было это предложеніе молчавшаго до сихъ поръ студента; общее вниманіе было обращено на него, и всѣ ждали его разсказа, но онъ вдругъ поблѣднѣлъ, замолкъ и, какъ-то тяжело дыша, уставился глазами въ одну точку, а затѣмъ, упавшимъ голосомъ, сказалъ: „я пойду домой, господа“. Да что съ тобою? Что за блажь на тебя нашла? Давай твой разсказъ, раздались голоса.

— Нѣтъ, я пойду домой, упорно отвѣтилъ тотъ.

— Какая муха тебя укусила?—сиди, да разсказывай.

— Я пойду домой, повторилъ онъ, взялъ фуражку и ушелъ.

— Что съ нимъ случилось? Вотъ странный человѣкъ!—потолковали, потолковали остальные и, порѣшивъ вопросъ словами, ну, да чортъ съ нимъ совсѣмъ, продолжали прерванную бесѣду.

Прошло около часу, дверь отворилась, и появился тотъ же казеннокоштный, блѣдный, задыхающійся и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „я у васъ останусь ночевать“.

Всѣ были въ полномъ недоумѣніи, стали было его разспра-

шивать, но онъ не отвѣчалъ ни слова, и все время, пока оставались гости, сидѣлъ молча, видимо удрученный, опустивъ голову на руки, а когда компанія разошлась, такъ же молча улегся на свободномъ диванѣ въ комнатѣ товарища, когда же послѣдній проснулся утромъ—гостя уже не было.

Онъ вернулся часамъ къ 9 утра и рассказалъ слѣдующее.

— Помнишь, вчера я хотѣлъ рассказать анекдотъ съ крайне язвительными насмѣшками надъ религіей, обрядами, а въ особенности надъ иконами; я уже разинулъ ротъ, набравъ воздуха какъ увидѣлъ передъ собою человѣка, именно человѣка: то было не видѣніе, не тѣнь, а живой человѣкъ изъ плоти и крови. Передо мною стоялъ старичекъ, съ сѣдою, коротко остриженной бородою и большою, во всю голову, лысиною; на немъ было что-то въ родѣ архіерейскаго облаченія; голова была непокрыта; въ высшей степени доброе лицо его было строго, и эта строгость, эти сжатія губы и нахмуренныя брови какъ-то не шли къ его добродушной фізіономіи. Онъ строго, строго посмотрѣлъ на меня и погрозилъ мнѣ пальцемъ; я обомлѣлъ, впившись въ него глазами, но онъ исчезъ и исчезъ такъ же быстро, какъ появился... былъ тутъ и его не стало.

Не скажу, чтобы я особенно испугался, нѣтъ, но мнѣ страшно захотѣлось идти домой и почему-то непременно сію минуту, то было неотразимое желаніе, и я не могъ преодолѣть его. Помнится, вы меня уговаривали остаться, но я ушелъ. Дорогою со мною ничего особеннаго не случилось, голова моя была совершенно свѣжа, только меня что-то угнетало, какая-то тоска напала. О чемъ я думалъ дорогою—не помню, только никакъ не о бывшемъ мнѣ видѣніи, я, какъ будто, забылъ о немъ. Такъ я дошелъ до университета, подошелъ къ моему окну и увидѣлъ, что оно освѣщено. Меня это особенно не удивило: я подумалъ, что въ моей комнатѣ кто-нибудь изъ товарищей, но, взглянувъ въ окно, я остановился въ изумленіи и замеръ: представь себѣ на моей кровати, въ обычной позѣ, лежалъ я, держа въ одной рукѣ книгу, въ другой папиросу, у кровати, какъ это обыкновенно бывало, стоялъ мой деревянный табуретъ, а на немъ горѣвшая свѣча. Словомъ, это былъ я, собственною персоной и въ обычной обстановкѣ; лежалъ я безъ сюртука въ одной рубашкѣ, я даже замѣтилъ оторванную пуговицу на воротѣ рубахи, даже разглядѣлъ дырку близъ этой пуговицы... я окаменѣлъ, нѣсколько разъ протиралъ глаза и видѣлъ все такъ же ясно, какъ вижу теперь тебя, Добро бы былъ пьянъ, но вѣдь ты хорошо знаешь, что я весь

вечеръ былъ у тебя на глазахъ и что мы ничего не пили, хоть бы я думалъ о чемъ-либо подходящемъ—клятвенно удостоверяю, что, ни во время бесѣды нашей, ни собираясь разсказать свой анекдотъ, ни, наконецъ, даже дорогою, уже послѣ появленія таинственнаго старца, я ни о чемъ сверхъестественномъ не думалъ. Какъ это ни странно, но самое появленіе старца, не скажу, чтобы испугало или удивило меня, мнѣ только страшно, томительно страшно захотѣлось домой. Это было единственно, что я чувствовалъ.

Сколько времени я стоялъ у окна, не знаю, вѣроятно нѣсколько секундъ, но мнѣ казалось, что я стою тутъ долго, долго. Вдругъ моментально свѣтъ горѣвшей свѣчи—погасъ, и комната погрузилась въ полную темноту. Вотъ тутъ, сознаюсь, мнѣ стало страшно; по спинѣ забѣгали мурашки; казалось мнѣ, что волосы поднимаются дыбомъ; я почти бѣгомъ вернулся сюда и остался у тебя ночевать; говорить мнѣ не хотѣлось, мнѣ тяжело было видѣть товарищей, я, какъ помнишь, все время молчалъ и ни слова не сказалъ весь вечеръ. Большое спасибо тебѣ и товарищамъ, что не приставали ко мнѣ съ разспросами; вѣроятно вмѣсто отвѣта я обругалъ бы васъ всѣхъ.

Уснулъ я скоро и спалъ спокойно, какъ всегда, безъ сновидѣній, а утромъ, пока ты спалъ, отправился домой. У университета я засталъ толпу народа и полицію; оказалось, что ночью въ моей комнатѣ упала штукатурка: свалилось ея съ потолка нѣсколько пудовъ, и вся эта груда рухнула на головную часть моей кровати, при чемъ тяжестью своею раздавила ее: у кровати сломаны обѣ переднія ножки и совершенно раздроблена спинка; даже моя подушка и та оказалась пробитою вѣроятно острыми углами упавшихъ кусковъ штукатурки. Представь себѣ, что бы было изъ меня, если бы эта масса упала, когда я спалъ на кровати! думаю, что и костей не осталось бы. Вотъ что, другъ мой, случилось со мною вчера.

— „А можетъ быть паденіе штукатурки плодъ такой же галлюцинаціи, какъ и видѣніе старца? спросилъ, прослушавшій всю эту исторію, студентъ.

— Господи, Боже мой, пойдемъ сейчасъ же и посмотримъ; тамъ и теперь вѣроятно стоитъ толпа любопытныхъ, отвѣтилъ разсказчикъ.

Они пошли и убѣдились въ дѣйствительности происшествія. О паденіи штукатурки зналъ уже весь университетъ и чуть ли не весь городъ, а растерявшіяся власти успокоились тогда

только, когда увидѣли обитателя комнаты живымъ и здоровымъ.

Этотъ разсказъ пришлось ему повторить неоднократно, и очень немногіе отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, и мнѣ, много лѣтъ спустя, слышавшему эту исторію, передавали ее, какъ нѣчто необычайное, сверхъ естественное, трудно объяснимое, но тѣмъ не менѣе вполне истинное, не подлежащее сомнѣнію, происшествіе.

Ив. Мѣщаниновъ.

